

праве, наследствах и процессах более развитой эпохи III в.; далее — о том новом, что внесло в конце республики знакомство с правовыми установлениями покоренных народов, и о возникновении общенародного права, о возникновении и развитии новых установлений под влиянием все усложнявшейся экономики; наконец, дается характеристика развития классического римского права при Северах. Этот материал очень ярко показывает связь развития права с общим развитием Римского государства и чрезвычайно облегчает понимание предмета каждому, желающему более глубоко с ним ознакомиться.

В заключение отмечу также превосходный вспомогательный аппарат его учебника: подробные карты, планы, прекрасно подобранные иллюстрации, справочник по римским мерам.

Е. М. Штаерман

С. И. КОВАЛЕВ. История Рима. Издание ЛГУ, Л., 1948, 807 стр., цена 42 руб.

Выход в свет книги С. И. Ковалева является значительным событием для советских историков. Автор делает попытку дать подробное, систематическое изложение древнеримской истории с точки зрения марксизма-ленинизма. Изложение, особенно в начальных главах книги, базируется на материале основных источников. Должное место уделяется анализу экономических отношений; политическая история Рима рассматривается в связи с процессом социального развития. Безусловной заслугой автора является более четкая, чем в его предшествующих работах, постановка вопроса о революции рабов. Параллельно истории экономической и социально-политической С. И. Ковалев дает картину развития римской культуры, останавливаясь на вопросах истории религии, науки, литературы и искусства. Распределение материала относительно равномерно по различным частям работы.

Как пишет сам автор в кратком введении, объем вновь вышедшего произведения в целом и изложение отдельных частей истории Рима далеко выходят за пределы обычного лекционного курса. Таким образом, вновь вышедший труд т. Ковалева рассчитан не только на студентов исторических вузов и преподавателей истории в средней школе, но также и на читателя, специально занимающегося вопросами древней истории.

К сожалению, рецензируемая книга, несмотря на большой объем, совершенно лишена иллюстративного и картографического материала. Приходится также отметить, что библиография по истории Рима не дифференцирована должным образом, так как содержится в алфавитном порядке переводные произведения иностранных авторов, дореволюционных русских историков и работы советских историков без какого-либо подразделения. Все же в целом издание производит солидное впечатление и, безусловно, займет одно из видных мест в советской литературе по истории древнего Рима.

Сравнивая вновь вышедшее произведение С. И. Ковалева с изданным тем же автором курсом («История античного рабовладельческого общества», т. III — «Эллинизм. Рим», (1936), мы с удовлетворением отмечаем большую и плодотворную работу, проделанную С. И. Ковалевым по капитальной переработке как предлагавшейся им ранее общей схемы римской истории, так и отдельных ее частей и разделов.

В целом, безусловно, приходится отметить положительные результаты этой большой и серьезной работы. Автор учел критические замечания рецензентов и общие выводы, сделанные из обсуждений его предшествующей работы, и отказался от целого ряда спорных методологических положений, вызвавших полемические замечания со стороны многих советских историков древности.

В своем настоящем виде общая концепция римской истории, предлагаемая С. И. Ковалевым читателю, не вызывает серьезных возражений. Хотелось бы только указать на необходимость включения в последующие издания специальных разделов по историографии римской истории. Отдельные историографические замечания

и экскурсы, сделанные автором в различных частях своей работы, ни в коей степени не могут восполнить этот пробел.

В процессе изложения автор совершенно не упоминает о точках зрения русских и советских ученых по тем или иным вопросам, иногда ограничиваясь лишь глухими намеками. Без указания имен и работ тех авторов, на которые он ссылается. Говоря о датировке восстания Спартака (стр. 421), С. И. Ковалев предпочитает в основном тексте присоединиться к точке зрения буржуазных историков и датирует начало восстания 73 г. до н. э., давая при этом ссылку, что «такова общепринятая дата восстания, хотя в науке есть также мнение, что оно началось в 74 г. до н. э.». Совершенно непонятно, почему С. И. Ковалев не счел нужным упомянуть, что мнение о начале восстания в 74 г. до н. э. было высказано не буржуазными учеными, а явилось результатом длительной исследовательской работы покойного ныне советского историка А. В. Мишулина, и что эта датировка принята в целом ряде других советских произведений по истории древнего Рима (работы Н. А. Машкина и др.). Отсутствие историографической главы и четкой постановки вопроса об искажении древней истории в произведениях буржуазных историков Запада, отсутствие изложения точек зрения русских, и особенно советских, ученых на различные проблемы римской истории является безусловно серьезным недостатком новой работы С. И. Ковалева.

Весьма спорным методически является также разделение главы об источниках на две части. Специально выделенная первая глава об источниках ранней римской истории противопоставляется первой главе второй части, трактующей о периодизации истории империи и ее источниках. Разделяя подобным образом обзор источников по истории Рима, автор невольно вынужден был ограничить подбор разбираемых им авторов. Так, например, из его изложения в первой главе выпало упоминание о весьма важном римском историке Веллее Патеркуле. Кроме того, во второй главе целый ряд вопросов подается крайне сжато, что не позволяет читателю получить достаточного представления о ряде важнейших античных писателей. Так, например, нельзя удовлетвориться кратким упоминанием о таком важном источнике по истории империи, каким являются биографии двенадцати цезарей Светония. Тем более недостаточно одно лишь попутное упоминание о капитальной работе Диона Кассия как о неоригинальной (стр. 487). С. И. Ковалев упускает из вида то обстоятельство, что изложение некоторых периодов истории Римской империи в значительной степени — истории внутренней политики эпохи Августа, времени правления Траяна) в основном базируется на сообщениях Диона Кассия. Именно история Диона Кассия содержит речь Мецената к Августу, представляющую собой ценнейший материал для анализа политических настроений и идеалов аристократических слоев Римской империи конца II и начала III вв. н. э.

Вызывают возражения и отдельные моменты в транскрипции собственных имен и названий. В отдельных частях книги автор отказался от обычной транскрипции некоторых названий. В гл. XIII, XVI С. И. Ковалев называет войны Рима с Карфагеном — «Пунийскими», а сторонников Катилины именуется «катилинцами» (стр. 430 и 440). Раньше С. И. Ковалев употреблял в обоих случаях общепринятые в русской исторической литературе термины: «Пунические войны» и «катилинарии».

Излагая историю войн Юлия Цезаря в Галлии, С. И. Ковалев в ряде случаев дает современные названия без обозначения древних названий местности. Автор говорит о Бретани и Нормандии (стр. 447 и 448). Встречаются и другие подобного рода выражения: С. И. Ковалев сообщает, что «Ганнибал уехал из Карфагена в сопровождении двух адъютантов» (стр. 271). Подобная модернизация географических названий древности или перенесение военной терминологии современности в курс истории Рима не могут не создать некоторой путаницы понятий, особенно у неподготовленного читателя.

Обращаясь к непосредственному разбору содержания книги, мы должны еще раз отметить большую работу, проведенную С. И. Ковалевым по решительному пересмотру целого ряда методологических положений, отстаивавшихся им в 1936 г.

Безусловным достижением автора является коренное изменение характера изложения этрусской проблемы (стр. 34—37). Автор дает изложение различных контрвергов по вопросу о происхождении этрусков и, отказываясь от какого-либо решительного заключения, делает осторожный вывод, что «на данном уровне науки этрусская проблема, равно как и более широкий вопрос о генезисе племен, населявших древнюю Италию, остается нерешенным». Вполне соглашаясь с подобной осторожной точкой зрения, мы должны все же высказать сожаление о том, что С. И. Ковалев не счел нужным каким-либо образом упомянуть о постановке данного вопроса в работах других советских историков, посвященных истории Рима. Например, следовало указать, каким образом данная проблема трактуется в «Очерках по истории древнего Рима» проф. В. С. Сергеева (М., 1938). Кроме того, нельзя полностью согласиться с мнением автора и о том, «что у этрусков и их соседей было много общих элементов в политической жизни». С. И. Ковалев сам же сообщает далее, что «римский обычай окружать высших магистратов ликторами с пучками розог и топорами, повидимому, этрусского происхождения. Из Этрурии же были заимствованы кресла из слоновой кости высших магистратов, одежда, окаймленная пурпурной полосой, гладиаторские игры, обычай триумфа». Это не сходные черты быта этрусков и соседних с ними итальянских племен, а следы культурного влияния этрусков, сказывавшиеся в последующие века развития римской культуры!

Большое сомнение вызывает также ряд формулировок С. И. Ковалева при изложении истории Пунических войн. Кончая описание первой Пунической войны, С. И. Ковалев указывает (стр. 202), что «первая война была в сущности только авангардной схваткой из-за Сицилии. Следующим этапом должна была стать борьба не на жизнь, а на смерть, борьба за мировое господство». Крайне неудачен термин «мир» в применении лишь к кругу рабовладельческих государств Средиземноморья, от чего советская наука в настоящее время решительно отошла, так как невозможно говорить о мировой истории, игнорируя великие цивилизации древней Индии и Китая.

Изложение истории борьбы Рима с Карфагеном страдает и другим серьезным недостатком. Автор странным образом резко проявляет свои субъективные симпатии в отношении военной и политической деятельности Ганнибала, совершенно теряя научную объективность советского исследователя. С. И. Ковалев, давая характеристику Ганнибала (стр. 218—219), всячески подчеркивает его положительные стороны и усиленно отмечает субъективность римского историка Тита Ливия и дружественного римлянам грека Полибия в их характеристиках карфагенского полководца. Говоря о характеристике Ганнибала, данной Титом Ливием, автор пишет: «жестокость и вероломство Ганнибала остаются целиком на совести у римского историка. Ганнибал действительно был неистощим в военных хитростях, но мы ничего не знаем конкретного о его особой аморальности». Подобное высказывание тем более странно читать в книге советского историка, что последний вынужден все же сообщить о предательском нападении Ганнибала на город Сагунт, хотя и умалчивает о жестокой расправе Ганнибала с жителями разгромленного им города. Кроме того, всем хорошо известен факт резни, устроенной Ганнибалом в момент ухода из Италии, когда «гуманный» карфагенский полководец приказал перебить 4000 своих же воинов, не пожелавших уйти за ним из Италии в Африку.

С другой стороны, автор усиленно подчеркивает вероломство римлян. Говоря о военных действиях в Африке, С. И. Ковалев пишет (стр. 256): «К весне 203 г. у Сципиона все было готово для коварного нападения». Сообщая далее о разгроме карфагенской армии благодаря неожиданной атаке римлян на карфагенский лагерь, автор продолжает: «Этот акт вероломства резко изменил к лучшему положение Сципиона». В противоположность «вероломным римлянам», сообщает далее С. И. Ковалев, осенью 203 г. «Карфагенское правительство послало Ганнибалу приказ очистить Италию. С тяжелым чувством великий полководец должен был оставить страну, в которой он воевал 15 лет, не испытав ни одного серьезного поражения».

Характеристика Ганнибала завершается на стр. 281, где, описав гибель карфагенского полководца, С. И. Ковалев замечает, что он был бессилён изменить ход исторического развития и умер «не оставив после себя ничего, кроме славной памяти в тысячелетиях». Читая подобную теплую характеристику Ганнибала, одного из агрессивнейших политиков древности, невольно приходится поставить вопрос — каким образом советский автор, историк-марксист, анализируя развитие прошлого, мог упустить из вида ленинскую характеристику Пунических войн? В статье «О пересмотре партийной программы» В. И. Ленин, характеризуя различные типы войн, отмечает, что захватнические войны могли быть на почве рабства и крепостничества. «Война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской», — пишет В. И. Ленин (т. XXI, изд. 3-е, стр. 305). Эта ленинская характеристика дает четкое понимание первых двух Пунических войн, как столкновения двух соперничавших между собою клан эксплуататоров-рабовладельцев, борющихся за раздел подвластных территорий и за монопольное право грабить и подчинять более слабые племена и народности западного Средиземноморья. В первых Пунических войнах для историка-марксиста не может быть обороняющейся или нападающей стороны. Обе группы рабовладельцев — и римская и карфагенская — в равной степени вели войну наступательную, грабительскую. Поэтому представлять героями руководителей той или иной стороны или вызывать к ним сочувствие со стороны читателя — является политически близоруким со стороны советского историка.

Однако наряду с подобными неудачными местами в этих главах имеются и безусловно удачные страницы. Большим успехом автора является описание восстания наемников и угнетенного африканского населения против Карфагена в 241—238 гг. и некоторые другие эпизоды. Хотелось бы все же, чтобы С. И. Ковалев более четко осветил попытку Ганнибала начать мирные переговоры с Римом после битвы при Каннах (стр. 239). Здесь необходимо было бы подчеркнуть, что намеченный Ганнибалом план войны путем разгрома Рима раньше, чем последний сумеет развернуть все свои всеенные силы, — несмотря на внешне блестящие тактические успехи, стратегически оказался явно несостоятельным. В противоположность своим горячим всеначальникам, убеждавшим его после битвы при Каннах двинуться на Рим, Ганнибал попытался добиться выгодного для Карфагена мира, используя моральное впечатление от одержанной им победы. В этом он потерпел полную неудачу. В данном случае автору уместно было бы напомнить указание товарища И. В. Сталина о временных и постоянных факторах, определяющих ход войны. Именно «постоянные» факторы постепенно склонили чашу весов на сторону римлян, и вторая Пуническая война закончилась полным разгромом Карфагена.

Весьма удачной в целом является XVI глава, содержащая описание внешней политики Рима от окончания второй Пунической войны до начала гражданских войн. Автор живо и образно излагает историю римской агрессии и условия, способствовавшие ее успехам. Однако и здесь имеются отдельные частные неудачные положения. Так, например, характеризуя положение в Греции (стр. 271—272), автор, говоря о тирании Набиса в Спарте, допускает явно неудачное в устах советского историка выражение, сообщая, что «тирания Набиса... служит ярким примером диктатуры общественных низов: люмпенпролетариев, наемников, рабов и пиратов».

Характеризуя политическую обстановку в странах Эгейского бассейна к моменту обострения конфликта между Римом и сирийским правителем Антиохом III (стр. 273), С. И. Ковалев отмечает, что одним из важнейших факторов, предопределивших победу Рима в борьбе с Антиохом III, является переход «на их (римлян.— А. Б.) сторону Филиппа, которому вернули заложников, простили остатки контрибуции и обещали расширение территорий». Однако автор почему-то не счел нужным сообщить, что эти удачные переговоры со стороны Рима вел Тиберий Семпроний Гракх — отец знаменитых трибунов-реформаторов братьев Гракхов, обманувший Филиппа обещаниями, от выполнения которых после войны римский сенат отказался почти полностью. Кроме того, невольно возникает вопрос: почему С. И. Ко-

валев при изложении истории третьей Пунической войны не привел известного высказывания Энгельса, столь четко охарактеризовавшего сущность третьей Пунической войны как подавление десятикратно сильнеешим противником слабейшего?

Несомненным успехом автора является весьма удачное изложение истории восстания сицилийских рабов и социальной борьбы в самом Риме в связи с аграрными законопроектами братьев Гракхов. Подробное изложение этих вопросов дано достаточно четко и ярко.

Весьма положительным моментом является отказ автора от его старой точки зрения по вопросу о сицилийских восстаниях как первом этапе революции рабов в В рецензируемом произведении С. И. Ковалев говорит просто о массовых восстаниях, которые на данном историческом этапе не имели надежды на успех.

Вполне положительным является также и стремление автора увязать историю рабских движений в Сицилии с деятельностью братьев Гракхов и подчеркнуть взаимную связь этих исторических явлений. К сожалению, автор не связал своего изложения с известной ленинской характеристикой рабских восстаний, в которой указывается, что рабы были пешками в руках господствующего класса.

Автор вполне правильно указывает (стр. 425), что причины поражения и сицилийских рабских восстаний и восстания Спартака «лежат как в области объективно-исторической, так и в сфере субъективно-классовых моментов... Всякое революционное движение, происходящее в эпоху расцвета данной экономической формации, не может перерасти в революцию». Однако все же хотелось бы видеть указание и на те положительные моменты, которые принесли с собою эти движения.

Мало указать (стр. 426), что «восстание Спартака было одной из важнейших причин того сельскохозяйственного кризиса, который разразился в конце Республики и который ей, в сущности, так и не удалось преодолеть». Необходимо было подчеркнуть, что восстание Спартака имело огромное прогрессивное значение, так как оно было важнейшим стимулом замены республиканского строя в Риме империей. На это указывали в своих работах другие советские авторы и, в частности, покойный А. В. Мишулин.

В последующем изложении автор четко поставил вопрос о классовой сущности и характере социального движения 65—63 гг., возглавленного Катилиной, и дал (стр. 440) весьма удачную характеристику этого движения, отметив разношерстный состав движения и различие целей у отдельных групп, объединившихся в борьбе против сената и нобилитета под руководством Катилины.

Менее удачно изложение эпохи первого триумvirата, которое вызывает серьезные критические замечания. Характеризуя деятельность Клодия, С. И. Ковалев следует в основном не столько описанию деятельности этого римского политика в сочинениях Аппиана и Асония, сколько присоединяется к трактовке их немецким буржуазным историком Моммзеном. Так, на стр. 444 С. И. Ковалев, подобно Т. Моммзеному, безапелляционно заявляет, что «Клодий — агент Юлия Цезаря». На стр. 454 автор сообщает читателю, что «после консульства Красса и Помпея в Риме все более углублялся политический кризис, мало-помалу превратившийся в настоящую анархию... Эта анархия отчасти была естественным результатом прогрессирующей деморализации городской толпы, отчасти же искусственно поддерживалась Цезарем и Помпеем через их агентов... Главными вождями толпы были Клодий и Милон, являвшиеся соперниками. У каждого были наемные отряды, состоявшие из рабов и городского люмпенпролетариата, которыми они устраивали всевозможные бесчинства и насилия».

Подобная трактовка движения городской бедноты Рима, проявлявшей повышенную политическую активность в середине I в. до н. э., совершенно аналогична с характеристикой этого времени Моммзеном и вряд ли может быть признана удачной в сочинении советского историка. Историк-марксист должен вдумываться внимательнейшим образом в положения, выдвигаемые различными буржуазными авторами, и резко критически относиться к концепциям буржуазных историков, стремящихся

все массовые движения широких слоев населения охарактеризовать как политическую анархию. Приходится пожалеть, что С. И. Ковалев в данном случае ограничился переложением трактовки Моммзена, не пытаясь прочесть заново источники, дающие сведения об этой эпохе.

Следует отметить также, что при изложении вопросов внешней политики автор недостаточно внимания уделил взаимоотношениям Рима с Парфянской державой. Достаточно полно изложен лишь эпизод с походом Марка Лициния Красса, закончившийся битвой при Каррах в 53 г. до н. э. Последующие же события, и, в частности, временная оккупация парфянами Сирии, Палестины и значительной части Малой Азии не нашли в книге достаточного отражения. Ввиду этого вряд ли можно согласиться с автором, заявляющим (стр. 478), что, когда «в 36 г. Антоний начал войну с парфянами, она имела для него чисто политическое значение, так как военной опасности парфяне в этот момент не представляли». Наоборот, именно необходимость удержания под римским влиянием Армении и установления твердого господства Рима в Сирии и Иудее требовали от римских правителей действий, которые должны были бы смягчить представление у восточных народностей, создавшееся в результате битвы при Каррах. Для Цезаря и для унаследовавшего его политические взгляды Марка Антония поход против Парфии был именно политически весьма нужен и актуален. Он совершенно не был легкомысленной авантюрой, как изображает его С. И. Ковалев. Ошибочно также утверждение автора и о войне Антония в Армении: армянский царь Артавазд был вероломно захвачен Антонием без каких бы то ни было всенародных действий.

Обращаемся к изложению С. И. Ковалевым истории империи.

На фоне общего четкого и подробного изложения истории империи приходится все же отметить отдельные моменты, с которыми невозможно полностью согласиться.

Весьма сомнительна общая характеристика эпохи правления династии Юлиев-Клавдиев, как эпохи террористического режима. Вряд ли можно признать удачной характеристику принципата Клавдия. Автор, излагая картину прихода к власти Клавдия (стр. 535), явно недооценивает сложную политическую обстановку в Риме в январские дни 41 г. и в значительной степени идет по пути трафаретного изложения этих событий в буржуазной исторической литературе. Совещание сената «об упразднении принципата и восстановлении республики» было серьезной попыткой восстановить республиканский порядок. Именно неудача попытки реставрации республики, благодаря вмешательству преторианцев, создала последующую политическую обстановку, определившую взаимоотношения Клавдия с сенатом, римским нобилитетом и растущей провинциальной знатью. Автор явно недооценивает новейшие работы советских историков и, в частности, выводы статьи Н. А. Машкина, «Из истории римского гражданства»¹, в которой отмечается, что время Клавдия было эпохой сдвига в отношениях между римским правительством и привилегированными слоями населения провинций. Это не было просто возвращение Клавдия к традициям Цезаря, а неизмеримо более широкое стремление опереться на романизованные слои провинциального населения в борьбе с оппозиционными римскими кругами. Именно поэтому совершенно необоснованным является утверждение С. И. Ковалева о естественной смерти Клавдия (стр. 541), вопреки совершенно недвусмысленным указаниям античных авторов (Сенека, Тацит, Светоний), которым в данном случае нет никаких оснований не доверять.

Приходится высказать сожаление, что при изложении истории Иудейского восстания (стр. 546 и 547) автор не учел в полной мере исследований покойного А. Б. Рановича и несколько сгладил социальные противоречия между различными группами восставшего населения, подменяя их противоречиями национальными. С. И. Ковалев явно недостаточно отметил также предательское поведение многих представителей иудейского жречества и знати, в частности, известного иудей-

¹ ИАН СССР, СИФ, III, 1945, № 5, стр. 447—460.

ского историка Иосифа Флавия, сознательно стремившегося саботировать в Галилее сопротивление народных масс римским войскам. Вряд ли также можно называть группы zelотов и сикариев националистическими группировками. Это обליжает точку зрения автора с изложением данных событий в работах буржуазных историков и вносит известную модернизацию в описание всего движения в целом. Кроме того, необходимо было подчеркнуть, что террористические выступления сикариев были в значительной степени направлены против собственной иудейской аристократии, а не только против римлян, как получается это из изложения С. И. Ковалева.

К сожалению, при изложении событий гражданской войны 68—69 гг. автор отказался от своей прежней вполне правильной точки зрения, что в результате этой гражданской войны значительные группы провинциальной аристократии оказались во главе управления империей. Теперь С. И. Ковалев подчеркивает (стр. 555) «стремление имущих слоев туземного населения к отделению от Рима» и то, что «в провинциях, сильно окрепших за столетие, протекшее с битвы при Акци, началось при Нероне сепаратистское движение. Оставляя в стороне Иудею, где были специфические условия, мы не можем игнорировать движения в западных провинциях, которое и послужило началом конца для Нерона, а вместе с ним и для всей системы ранней империи».

Различные круги провинциального населения занимали по вопросу о взаимоотношениях с правительством империи диаметрально-противоположные позиции. Если среди низших слоев провинциального населения действительно заметны тенденции к избавлению от римского господства, то среди провинциальной аристократии в массе господствовали иные политические настроения. Представители господствующих слоев провинциального населения не стремились к отделению от Рима, а добивались только политического равноправия с римской и итальянской аристократией, права участия в управлении и равных условий в эксплуатации низших слоев населения как в собственной провинции, так и в других частях империи. Внимательный анализ римских литературных источников — произведений Тацита, Светония, Плутарха, Диона Кассия, а также данных римской эпиграфики не оставляет в этом сомнения.

Изложение кризиса империи в III в. н. э. занимает несколько непропорционально большее место в общем плане книги. Однако в целом оно не возбуждает каких-либо серьезных замечаний. Безусловной удачей автора является заключительный раздел книги и, в частности, его совершенно четкая характеристика понятия революции рабов. Можно полностью присоединиться к мнению С. И. Ковалева, что именно события 376 и особенно 378 гг. н. э. являются тем переломным моментом, когда подгнивший аппарат империи оказался не в состоянии противостоять революционным силам и рухнул под их напором. С. И. Ковалев совершенно прав, когда он считает, что именно восстание готов и присоединившихся к ним масс рабов и колонов создали условия для крушения и гибели кадровой римской армии в битве при Адрианополе 9 августа 378 г. «Тесный контакт рабов, колонов, крепостных рабочих и варваров — вот что является главной особенностью этого этапа. Ни разу за всю предшествующую историю Рима мы не видели единого фронта трудящихся и угнетенных элементов римского общества... Только теперь революция начинает захватывать всю империю, и только с этого времени начинает складываться единый революционный фронт...» (стр. 734).

Подобная, совершенно правильная трактовка революции рабов в Римской империи является безусловным достижением С. И. Ковалева, и следует отметить, что она дана в более четкой форме, чем в произведениях других советских историков. Логично и правильно также и изложение событий в Риме в августе 410 г. н. э. К сожалению, автор не отметил, что именно восставшие рабы громили Рим после взятия его армией Алариха.

В целом, подводя итог всему вышесказанному, надо отметить, что, несмотря на

отдельные недочеты и некоторые неудачные формулировки, книга С. И. Ковалева является серьезным трудом по истории Рима и вполне может быть использована как студентами вузов, так и преподавателями.

Однако, признавая большое положительное значение работы С. И. Ковалева, все-таки приходится еще раз подчеркнуть ее основные недочеты: при переиздании этого обстоятельного серьезного произведения автор должен будет подумать о необходимости создания специальных разделов по историографии, о большем насыщении своего изложения важнейшими высказываниями классиков марксизма-ленинизма по различным моментам Римской истории.

Наконец, при переработке своих положений с учетом достижений других советских историков автор должен приводить мнения отдельных советских исследователей даже в тех случаях, когда он и не вполне согласен с их доводами.

А. Г. Бокщанин

Проф. Н. А. МАШКИН и доц. Д. Г. РЕДЕР, История древнего мира, учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов, Учпедгиз, М., 1948, 104 стр., цена 4 р. 40 к. Тираж 12 000 экз.

Рецензируемая книга представляет собой именно пособие для изучения древней истории. Она никоим образом не должна подменять и не подменяет учебника, но является ценным дополнением к нему. Особенное значение книги состоит в том, что она дает студенту-заочнику необходимый минимум методических указаний для самостоятельной работы над соответствующими отделами учебника.

Пособие подразделяется на три основных отдела. Первый из них — «Восток» — написан доц. Д. Г. Редером, последующие два раздела — «Греция» и «Рим», — принадлежат проф. Н. А. Машкину. Каждый из отделов разбит на главы в полном соответствии с темами вузовской программы.

Главы пособия состоят из: 1) библиографического указателя основной и дополнительной литературы, а также соответствующих источников; 2) методических указаний по важнейшим и наиболее трудным проблемам изучаемой темы; 3) плана работы по источникам; 4) указателя основных дат и имен. Таким образом, рецензируемое пособие, не дублируя учебника, помогает заочнику изучать каждую тему программы, указывает узловые вопросы и определяет минимум знаний, необходимый для сдачи экзаменов. Значительную помощь пособие может оказать во время повторения курса перед сессией.

Авторы книги в основном справились с поставленной перед ними задачей и дали ценное пособие, являющееся хорошим дополнением к учебникам. Методические указания в достаточной степени насыщены важнейшими высказываниями классиков марксизма по вопросам древней истории и дают методологически и методически правильное освещение основных проблем курса.

Однако в этом отношении имеются еще некоторые недочеты, исправление которых совершенно необходимо в следующих изданиях пособия. Прежде всего это касается произведения К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Эту работу, хотя бы в той ее части, которая опубликована в № 1 «Вестника древней истории» за 1940 г., необходимо включить не только в список основной литературы по истории древнего Рима, как это сделано в пособии, но и по истории древней Греции, тем паче, по истории древнего Востока. В этот же список надо было включить и соответствующие главы «Капитала», особенно из III тома. Далекое не достаточно и не конкретно охарактеризовано значение ленинской лекции «О государстве». Автор ограничивается общим заявлением: «Очень важные указания дает Ленин в своей лекции «О государстве» (стр. 8). Однако заочник напрасно стал бы искать во всем разделе, посвященном истории древнего Востока, какие именно указания дает Ленин и в чем состоит их зна-